

Чжоу Чуло смутно помнил этого Государственного наставника. Это был человек с внешностью бессмертного, чрезвычайно выдающийся, но при этом весьма распутного поведения.

После того как его пригласили во дворец, он не занимался никакими серьёзными делами, целыми днями размахивал своей метёлкой из конского волоса и слонялся по дворцу, заигрывая со служанками. Иногда он не брезговал и смазливymi молодыми евнухами — в общем, был человеком отчаянным.

Его имя, кстати, тоже придумал Государственный наставник по просьбе тогдашнего наследного принца Чжоу Жаня.

На девятый год пребывания Государственного наставника во дворце родился Чжоу Чуло, и поначалу его звали иначе.

Но потом он стал постоянно болеть, был хилым, по ночам часто просыпался и безутешно плакал. Одна из матушек, служивших при его матери, сказала, что императорские лекари осматривали его снова и снова, а маленькому наследному принцу всё не становилось лучше. Может, стоит сходить в храм и показать его какому-нибудь мастеру? Вдруг он подцепил что-то нечистое.

Позже мастер сказал, что по своей судьбе он конфликтует с водой, и прежнее имя ему не подходит, даже вредит.

Супруга наследного принца попросила мастера придумать ему новое имя.

Мастер надолго замолчал и в конце концов сказал, что, хоть Чжоу Чуло и конфликтует с водой, и в его имени не должно быть воды, но если её не будет, его ждёт ранняя смерть. А как назвать маленького наследного принца, он не знает, тут он бессилён.

В конце концов, наследный принц, исчерпав все возможности, обратился к Государственному наставнику.

Тот сначала пытался отнекиваться, но когда наследный принц сунул ему пачку ассигнаций, Государственный наставник тут же заявил, что готов помочь.

Позже, немного поразмыслив, он на месте придумал ему имя — Чжоу Чуло.

Наследный принц, видя его несерьёзность, словно тот просто дурачится, не доверился ему и отнёс иероглифы в храм Хуго. Но мастер сказал, что имя хорошее, полностью соответствует судьбе и восьми иероглифам маленького наследного принца, просто замечательно.

Государственный наставник десять с лишним лет провёл во дворце, живя на всём готовом.

Позже, когда прадед состарился, а люди, облечённые властью, больше всего боятся смерти, он приказал Государственному наставнику изготовить для него пилюли бессмертия. Спустя три года Государственный наставник и вправду их изготовил.

Но, съев их, прадед тут же заработал понос, который не прекращался полмесяца.

Прадед чуть не умер, решил, что этот человек — шарлатан, и приказал отрубить ему голову. В то время Чжоу Чуло было шесть лет, и когда Государственного наставника окружила Императорская гвардия, он как раз заигрывал с его кормилицей.

В тот день, видимо, зная, что во дворце ему больше не остаться, Государственный наставник собирался сбежать пораньше. Потому что в день облавы, ещё до прихода гвардейцев, Чжоу Чуло видел, как он вышел из своей резиденции с большим узлом за спиной и направился прямо к воротам дворца.

Но по пути он случайно встретил его с кормилицей. И снова не удержался от своей дурной привычки, остановился и принялся заигрывать с ней.

Он говорил, какая она красивая, что в этом дворце есть такая красавица, а он раньше и не замечал. «Красавица, а я хорош собой? Не хочешь сходить со мной послушать музыку?»

После этого он ещё и свистнул, отчего его кормилица вся покраснела. Это заигрывание и стоило ему времени для побега.

Когда гвардейцы ворвались и окружили его, он всё ещё улыбался, говоря, что на этот раз он провернул крупное дельце, но зато сможет теперь несколько лет жить безбедно, так что оно того стоило.

— Не буду я с вами больше играть, маленький принц, красавица, прощайте!

Государственный наставник был плох в изготовлении пилюль, но дрался отменно. Тридцать с лишним гвардейцев, окруживших его, не смогли с ним справиться. Позже прислали подкрепление. Когда Государственный наставник сбежал из дворца, ему в задницу попала стрела, а узел, который он нёс, упал во время драки.

Сбегая, Государственный наставник ругался, что прадед — негодяй. Он же говорил, что не может гарантировать качество пилюль, и прадед согласился, что не будет его винить, а в итоге нарушил слово. Ладно бы просто выгнал, так он ещё и убить его хотел. Хорошо, просто прекрасно.

Эту обиду он запомнил.

— Старый император, не радуйся слишком рано, я ещё вернусь.

Узел остался лежать на земле. Видимо, обычные платки показались ему слишком маленькими, и Государственный наставник использовал простыню, пёструю, цветастую, набитую до отказа.

Чжоу Чуло стало любопытно, он подошёл и, открыв узел, обомлел. Внутри было полно золота.

Спустя несколько лет прадед умер, и на престол взошёл Верховный император.

Но когда Верховный император взошёл на трон, ему было уже за пятьдесят, и просидел он на нём не больше десяти лет, после чего его сменил Чжоу Чуло.

Тот Государственный наставник сбежал из дворца. Если он ещё жив, ему должно быть как минимум за пятьдесят.

Но...

Если он правильно помнит, этот талисман нарисовал тот проклятый евнух, он сам это видел.

А тот евнух, хоть и был с бородой, но на вид ему было не больше тридцати.

Фэн Чжэнхэ именно потому и сказал, что дело это странное, так как тоже это понимал.

Разве что этот дядя Хао был учеником Государственного наставника или обладал невероятным талантом к подражанию.

За несколько дней расследования они выяснили так мало, что это не принесло никакой пользы, а Чжоу Чуло всё больше запутывался в догадках о том евнухе. Раздражение его росло, и он махнул рукой, велел им убираться.

Евнух Ма и Фэн Чжэнхэ поспешно поблагодарили за милость и вышли из императорского кабинета. Не успела дверь за ними закрыться, как изнутри донёсся грохот.

Они переглянулись.

Император снова в гневе!

Помимо того, что они были монархом и подданными, они ещё и выросли вместе. Фэн Чжэнхэ тихо спросил:

— Евнух Ма, что случилось с императором? Ты хорошо знал того брата Хао? Что он такого натворил, что император поднял такой переполох?

Фэн Чжэнхэ знал, что у Чжоу Чуло скверный характер, он был непредсказуемым и жестоким, но обычно всё же придерживался здравого смысла.

А этот брат Хао, неизвестно, что он такого сделал, что император не только послал за ним гвардейцев, но и при упоминании его имени скрежетал зубами, будто, знай он, где могила его предков, тут же послал бы людей её раскопать. Просто ужас.

Фэн Чжэнхэ сгорал от любопытства.

Евнух Ма, конечно, знал брата Хао, ведь они оба служили при императоре.

До того как Чжоу Чуло взойшёл на престол, он несколько лет провёл в военном походе с предыдущим императором. В то время евнуху Ма было уже почти пятьдесят. Он был родом с юга, в детстве его родные края страдали от засухи, на полях ничего не росло. В семье было много братьев и сестёр, и, чтобы прокормить семью, родители продали его.

Покупатели домашних рабов предпочитали крепких, способных к работе. Евнуху Ма тогда было всего восемь, он был худым и грязным, и его никто не хотел брать. В итоге, после долгих мытарств, его привезли во дворец и сделали евнухом.

В первое время во дворце его часто обижали, однажды ему даже сломали руку. Хоть она и зажила, но в холодную погоду всегда болела. Зимой во дворце постоянно топили, так что это было не так страшно.

Но на северной границе было холодно, и условия были не чета дворцовым. Чжоу Чуло, беспокоясь, что его старый слуга не выдержит и не вернётся, оставил его во дворце и выбрал себе нового человека из Восточного дворца.

После кастрации евнухи обычно были ниже ростом и слабее обычных мужчин, их голоса становились тоньше, они походили на женщин, и у них не росла борода — всё из-за отсутствия мужских гормонов.

Но в древности не знали, что такое гормоны. Молодые евнухи во дворце все были маленькими и нежными.

Только брат Хао был исключением: высокий, статный, с бородой, сразу видно — выносливый и морозоустойчивый.

Поэтому Чжоу Чуло и взял его с собой.

Так прошло несколько лет. Вернувшись, Чжоу Чуло оставил брата Хао служить при себе.

Но у императора были свои «тайны», он не подпускал к себе посторонних, и некоторые личные дела, вроде переодевания, по-прежнему доверял только евнуху Ма. Брат Хао в основном дежурил по ночам или стоял наготове, подавая чай и воду.

Хоть евнух Ма и знал, что тот не сможет его заменить, но всё равно недолюбливал брата Хао, потому что часто видел, как тот подмигивает молодым служанкам, а иногда и его самого не обходит стороной, в общем, был очень распутным.

Но если бы только это.

Этот человек, не зная страха, не оставлял в покое даже императора.

Он вспомнил, как в тот день его крестник в панике прибежал к нему, сказав, что его зовёт император. Он тут же поспешил туда и, войдя в комнату, увидел императора в растрёпанной одежде, с красными следами на теле. Хоть он и не мог заниматься «этим», но кое-что в жизни повидал и сразу понял, в чём дело.

— Ваше Величество, это...

Чжоу Чуло тогда выглядел так, будто перенёс страшное унижение, и, скрежеща зубами, сказал, что его потрогали за задницу.

Евнух Ма тогда чуть не задохнулся.

Он подумал, что этот брат Хао совсем обнаглел, видимо, жить ему надоело, раз он ищет себе такой смерти.

Увидев красные следы на талии Чжоу Чуло, евнух Ма понял, что император говорит правду.

Об этом никому нельзя было рассказывать. Если об этом узнают, что станет с репутацией императора?

Евнух Ма вытер пот со лба.

— ...я тоже не знаю! Ваше Величество приказал вам найти человека, вот и ищите. Не задавайте лишних вопросов. Чем больше знаешь, тем быстрее умрёшь.

Фэн Чжэнхэ подавился.

Евнух Ма подумал и добавил:

— Брат Хао до поступления во дворец жил в управе Аньхэ, в городе Пинъян. Пошлите туда людей, пусть хорошенько поищут.

Хоть, поступив во дворец, ты становишься человеком дворца, здесь живёшь и здесь умираешь, а со своей семьёй порываешь все связи.

Но если бы ему самому некуда было идти и он знал, что скоро умрёт, он бы обязательно захотел хоть раз взглянуть на родной дом.

Фэн Чжэнхэ кивнул:

— Хорошо, я понял.

— Тогда, господин Фэн, я вас не прово...

— Крестный отец, крестный отец! — в панике подбежал Сяо Ма.

— Что случилось? — евнух Ма подпрыгнул и вlepил ему затрещину. — Я же говорил, нужно быть сдержанным, не паниковать и не кричать. Это дворец, один неверный шаг — и головы не сносить. Если ты так столкнёшься с какой-нибудь важной особой или потревожишь её, тебе и головы не хватит, чтобы отрубить.

Это была не пустая угроза. Некоторые наложницы во дворце были очень капризными, с высоким самомнением, они не считали слуг и евнухов за людей. Кто не понравится — и повода не нужно, захотят — отрубят голову. Каждый год во дворце умирало немало служанок и евнухов.

Сяо Ма, конечно, это знал. Он несколько раз кивнул, поправил одежду, вытер пот и только потом спокойно сказал:

— Крестный отец, я помню ваши наставления! Я не хотел торопиться, но император вас зовёт, сказал, чтобы вы немедленно явились в течение половины палочки благовоний, иначе он отрубит вам голову!

Евнух Ма: «...так какого чёрта ты раньше не сказал?!»

Сяо Ма: «Крестный отец, но вы же говорили, что нужно быть серьёзным, говорить чётко и осторожно...»

— Ты ещё смеешь спорить! Быстро пошли со мной!

Глядя, как евнух Ма и Сяо Ма убегают, Фэн Чжэнхэ подумал, что, наверное, император просто не нашёл кисть или тушь и разозлился, ничего серьёзного. Он решил не идти с ними, а то император подумает, что он бездельничает, и снова его отругает.

***

В спальне императорский лекарь долго щупал пульс Чжоу Чуло. Казалось, сегодня его левая рука отказала. Он долго щупал пульс на левой, потом перешёл на правую, потом снова на левую, его брови сошлись на переносице.

Глядя на него, Чжоу Чуло не мог сдержать гнева.

— Ты уже полдня щупаешь! Лекарь Тан, ты что-нибудь нащупал? Если нет, я отрублю тебе голову!

Лекарь Тан бухнулся на колени:

— Ваше Величество, пощадите, пощадите!

У Чжоу Чуло от боли заломило виски.

— Говори, что ты нащупал?

Лекарь Тан обливался потом.

По дороге сюда Маленький евнух Ма сказал ему, что император в последнее время очень раздражителен, часто злится без причины, у него плохой аппетит. Только что он смотрел доклады, разозлился, а потом вдруг сказал, что у него болит живот.

Это явно... явно...

— Говори! — Чжоу Чуло снова ударил по столу рядом, чайные чашки полетели на пол.

Лекарь Тан вздрогнул, поспешно поклонился, слова, казалось, застряли у него в горле. Заикаясь, он произнёс:

— Ваше Величество, у... у вас... у вас... у вас радостная весть.

В воздухе повисла тишина, наполненная не только сдерживаемым гневом, но и чем-то ещё.

Чжоу Чуло на мгновение широко раскрыл глаза, чувствуя, как его сердце будто кто-то сжал в кулаке.

Он, казалось, не верил своим ушам и тихо переспросил:

— Что, ты сказал, у меня?

Лекарь Тан даже дышать боялся.

— Ваше Величество, у... у вас радостная весть.

— Лекарь Тан, ты не ошибся? — евнух Ма решил, что это невозможно.

Императора всего лишь потрогали за задницу, и он тут же «обрадовался»?

Он хоть и стар, но ещё не выжил из ума.

К тому же, оставив в стороне всё прочее, брат Хао, как и он, был человеком без «корня»!

Как человек без «корня» мог «обрадовать» императора?

Неужели этот брат Хао такой могущественный?

Лекарь Тан, конечно, не мог ошибиться. Тело императора — драгоценность, он не смел быть небрежным.

Император — мужчина, у него не может быть «радостной вести». Но он щупал пульс снова и снова, и он был именно таким. Хоть и не очень явным, и неопытный лекарь, возможно, и не распознал бы его, но он-то кто? Он же лучший специалист по мужским болезням!

Лицо Чжоу Чуло потемнело, стало чёрным, как тушь. Он долго молчал, потом, придя в себя, опустил глаза и с огромным давлением посмотрел на лекаря Тана.

— Можешь идти! И помни, если хоть слово о сегодняшнем просочится наружу, я истреблю весь твой род до девятого колена...

Лекарь Тан поспешно заверил его в своей молчаливости и выкатился из комнаты.

Глаза евнуха Ма покраснели:

— Ваше Величество, что же это такое?

— Передай Вэй Цзюню, пусть пошлёт ещё людей на поиски. Перекопайте всю землю, но найдите мне его! — процедил сквозь зубы Чжоу Чуло, выговаривая каждое слово. — Этот проклятый евнух! Я сдеру с него кожу и истреблю весь его род до девятого колена!

***

Бай Цзыму, играя во дворе с двумя малышами, вдруг чихнул.

Цзян Сяои тут же посмотрел на него:

— Что такое? Простудился?

— Нет, — Бай Цзыму потёр нос. — Просто в носу зачесалось.

Отец Цзян, нарубив дров, принёс стул и поманил к себе Бай Цзыму и Цзян Сяои.

— Отец, что-то случилось? — спросил Цзян Сяои.

Отец Цзян кивнул:

— Да. Бай здесь уже несколько дней, я думаю, завтра вам стоит сходить в город, купить немного мяса. Вечером позовём старшую ветвь семьи на ужин, познакомишь Бая с родственниками.

Услышав это, Цзян Сяои понял, что отец, должно быть, уже знает о дневном происшествии.

Отец Цзян действительно уже всё знал. Когда он вернулся, ему тут же рассказали, как Бай Цзыму не узнал дядю, как тот пытался их разнять, а он наговорил ему дерзостей, и рассказчик при этом чуть не лопнул от смеха.

Но тот человек также понимал, что с приходящим зятем-гэ'эром, если не знаешь его досконально, обычно сначала присматриваются несколько дней, а не сразу знакомят с родственниками.

Раньше, хоть Бай Цзыму и не мог выполнять тяжёлую работу и любил поспать, но он хорошо относился к его гэ'эру и двум сыновьям, и к нему самому был почтителен, так что отец Цзян был им доволен. А теперь, когда он нашёл работу, да ещё такую престижную, и оказался не

таким уж и слабаком, каким он его считал, он был доволен им как никогда.

Но только вчера он узнал, что тот нашёл работу, а сегодня уже знакомить его с родственниками... Отец Цзян боялся, что Бай Цзыму подумает, будто он признал его только из-за работы, и затаит обиду, поэтому решил отложить это дело на несколько дней.

Но, узнав о дневном происшествии, он понял, что тянуть больше нельзя, иначе снова будут смеяться. К тому же, четырнадцатого Бай Цзыму уже выйдет на работу, и времени у него будет ещё меньше.

— Мне в обед нужно на работу, так что вы уж сами тут разберитесь, — отец Цзян достал сорок вэней, протянул их Бай Цзыму и сказал: — В старшей ветви семьи много народу. У твоего дяди четверо детей. Гуй нян уже замужем, так что осталось трое. Твой старший двоюродный брат — Цзян Даню, он в этом году женился. Ещё есть Юй гэ'эр и Ши сяоцзы. Второй двоюродный брат, Цзян Дашу, — из семьи второго дяди. У них ещё есть Чжу гэ'эр, Янь нян и Вэнь нян, всего четверо детей, но Вэнь нян уже замужем. Плюс твоя двоюродная бабушка. Вот и вся старшая ветвь. Сходите, купите два цзиня мяса, а потом приготовь ещё несколько блюд.

— Понял, — радостно сказал Бай Цзыму. — Отец, я тебе нравлюсь, да? Считаешь меня бесценным зятем?

Отец Цзян оттолкнул его голову и рассмеялся:

— Ишь, чего захотел! Я просто боюсь, что ты в следующий раз не узнаешь родственников и наденешь им на головы мешки.

Бай Цзыму: «...»

Ну и слова.

Если его не трогать, с какой стати он будет надевать на кого-то мешки? Он что, от безделья мается?

Но это было хорошее дело, и на следующее утро Бай Цзыму поспешил в город за мясом.

Сорок вэней — если покупать жирное мясо, то едва хватит на два цзиня.

А в старшей ветви семьи дети были в том возрасте, когда едят за троих, двух цзиней мяса им на один зуб.

Цзян Сяои подумал, что в прошлый раз жареная печень с кишками, которую они послали, им, кажется, понравилась.

Когда он встречал на улице младших, Чжу-гэ'эра и остальных, они здоровались с ним и благодарили.

— За что? — спрашивал он.

— Спасибо за жареную печень с кишками, — говорили они. — Так вкусно было, мы никогда ничего подобного не ели. — И при этом сглатывали слюну.

Субпродукты стоили дёшево, на сорок вэней можно было купить много, тогда хватит всем. А если будет мало, придётся, наверное, уступать друг другу, проявляя вежливость.

Цзян Сяои решил, что лучше купить одни субпродукты.

Но на сорок вэней субпродуктов получится столько, что за один раз не съесть, а Бай Цзыму не хотел целый день возиться с промыванием свиных кишок. Они с Цзян Сяои бродили по улице, и в итоге купили две связки кишок, одну печень, два ляна жирного мяса, две рыбыны и четыре куска тофу.

Всё это обошлось чуть больше пятидесяти вэней.

Проходя мимо лотка с утятами, Цзян Сяои остановился как вкопанный.

Он ткнул Бай Цзыму. Тот посмотрел на него, но он молчал, только указывал на клетку перед стариком, где сидели пушистые, с кулачок, утята.

Смысл был ясен.

Он хотел их.

Но сегодня он не взял с собой денег. Собираясь выходить, он хотел было взять, но Бай Цзыму, выпятив грудь, сказал: «Какие у нас теперь отношения? Идём гулять вместе, я заплачу. Хочешь что-нибудь купить — я всё тебе куплю. Хочешь луну с неба — я тебе её из пушки собью. А ну-ка, поцелуй меня пару раз».

Цзян Сяои рассмеялся и денег не взял.

Но Бай Цзыму нарушил слово. Наобещал с три короба, а как дошло до дела, так и в кусты.

Он сделал вид, что не понимает, смотрел на небо, на землю, куда угодно, только не на Цзян Сяои.

— Что такое? Солнце так печёт. Пойдём скорее домой.

Цзян Сяои потянул его за рукав:

— Я хочу купить несколько утят.

Он давно хотел их завести, но не было денег. А теперь захотел.

На огороде постоянно растут овощи, кормить их нетрудно, каждый день бросай в загон пару листьев, и всё.

Но от уток больше всего вони, и Бай Цзыму не разрешал.

Цзян Сяои тут же надулся:

— Только что ты говорил, что любишь меня больше всего на свете, что даже танк для меня достанешь, а теперь я просто хочу несколько утят, а ты жалеешь? Я так и знал, ты всегда меня обманываешь. Ах вы, мужчины, только обещаниями и кормите!

Бай Цзыму: «...»

Вот так, всех под одну гребёнку.

Видя, что тот очень хочет, Бай Цзыму тут же сказал:

— Купим, купим! Что ты такое говоришь! Я же просто пошутил. Если ты хочешь, разве я не куплю? Я же так тебя люблю, не сердись, ладно?

— Ты врёшь, — Цзян Сяои поджал губы, но в глазах его плясали смешинки.

Старик, улыбаясь, принялся выбирать для них утят.

— У твоего фулана хорошая судьба! Нашёл такого мужчину.

Бай Цзыму был из тех, кто не только на словах хорош, это он видел сразу.

Они купили столько всего, всё было в корзине, и мужчина нёс её один. Когда они шли с другого конца улицы, он издали заметил, как тот заботливо оберегает своего гэ'эра, не позволяя никому его задеть.

Это настоящая забота.

Поэтому, когда мужчина так сказал, он не стал вмешиваться. Всё равно, раз этот маленький фулан хочет купить, мужчина в итоге раскошелится.

Купив девять утят, Цзян Сяои улыбался во весь рот. Жаль только, цыплят не было.

Деревенские жители любят всякую живность. Если в доме есть свинья, курица — вот это жизнь. А если кроме людей во дворе никого, никакой жизни, то что это за дом!

Деньги у Бай Цзыму были с продажи пряных полосок. Цзян Сяои, казалось, не мог успокоиться, пока у него в кармане были деньги. Купив уток, он захотел ещё и поросёнка.

Бай Цзыму: «...»

Бай Цзыму был в шоке.

Недаром говорят, что женщины обожают ходить по магазинам и скупать всё подряд.

Этот гэ'эр ничуть им не уступал.

— Может, тебе ещё палку купить? Пошли домой, — сказал Бай Цзыму. — От уток и так вони будет, а если ещё и свинью завести, во дворе же будет не продохнуть.

Цзян Сяои не сдвинулся с места и пообещал:

— Я буду убирать, я очень трудолюбивый. Буду каждый день чистить, во дворе точно не будет вонять.

— Ты будешь убирать? — у Бай Цзыму от возмущения раздулись ноздри. — Ты так говоришь, будто я смогу стоять и смотреть, как ты убираешь? В итоге же всё равно мне придётся!

Цзян Сяои тут же обнял его за руку и тихо прошептал:

— Фуцзюнь, я хочу.

Голос его был таким мягким, а в больших глазах плескалось такое желание.

Кто устоит перед таким?

Этот гэ'эр... он просто верёвки из него вил.

— Купим! — тут же великодушно сказал Бай Цзыму. — Что тебе нравится, то и купим.

— Фуцзюнь, ты самый лучший!

— Ещё бы!

Маленький поросёнок весил всего с десяток цзиней. Его посадили в небольшую бамбуковую клетку. Бай Цзыму нёс её в одной руке, а другой держал Цзян Сяои.

Цзян Сяои теперь был доволен, его лицо сияло от улыбки.

Он давно хотел завести свинью, но поросята стоили дорого, больше ста вэней. Иногда он стоял у чужих лотков и смотрел, но торговцы, видя его бедную одежду, понимали, что он не может себе этого позволить, и либо прогоняли его, либо насмехались.

Позже, в деревне, каждую весну, видя, как соседи несут домой поросят, он останавливался и смотрел на них с тоской.

А теперь и у него будет свой поросёнок.

Поросят тоже продавали на вес. Перед продажей их, конечно, кормили. Сейчас животик у поросёнка был круглым, сам он был чистым, видимо, его протёрли. Если бы он был слишком грязным, его бы, наверное, и не продали.

Сейчас поросёнок смиренно лежал в клетке, не двигаясь и не хрюкая. Бай Цзыму нашёл его довольно милым и погладил по пухлой попке, поведив по ней кругами. На ощупь было приятно.

Цзян Сяои, пообщавшись с ним некоторое время, тоже научился говорить дерзости. Он шлёпнул его по руке и рассмеялся:

— Фуцзюнь, ты извращенец, даже поросёнка не пощадил.

Бай Цзыму бросил на него косой взгляд:

— Ты умеешь говорить? Какой я извращенец? Я — большой извращенец.

Цзян Сяои чуть не лопнул от смеха.

Проходя мимо таверны «Фулай», они столкнулись с Лю Хуцзы, который как раз провожал гостей у входа. Увидев их, он тут же скривился.

Особенно Цзян Сяои.

Они ещё не женаты, а уже так открыто смеются и шутят — просто бесстыдство. В его глазах читалось нескрываемое отвращение.

Бай Цзыму взглянул на него и усмехнулся с таким наглым видом, что хотелось ему врезать.

Лю Хуцзы тут же позеленел от злости.

***

Для деревенских жителей, если у кого-то в хозяйстве была корова, это уже было поводом для уважения.

Поросёнок хоть и не стоил так дорого, как корова, но сто с лишним вэней — не каждый мог себе позволить.

Сейчас, видя, что семья Цзян купила поросёнка, да ещё и с полной корзиной продуктов, все были в недоумении.

Когда это семья Цзян так разбогатела?

Все знали, чем занимаются отец Цзян и Цзян Сяои, сколько дров они могут нарубить за день, сколько стоит вязанка, какие лекарства принимает Цзян Сяоэр и сколько стоит каждое иглоукалывание.

Сколько денег у семьи Цзян, все, если и не могли сказать с абсолютной точностью, то примерно представляли.

Сто с лишним вэней у них точно не было.

Каждый раз, как только они зарабатывали немного денег, их тут же приходилось нести в зал Цзиши, дома деньги не задерживались.

Так откуда же этот поросёнок?

И корзина эта, полная доверху, наверняка они купили много всего.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, держась за руки, уже давно ждали их у въезда в деревню.

<http://bllate.org/book/13701/1593008>